

ПИСЬМА С МАРСА

ЧАСТЬ 3. ADAMUS **412**



ВЛАДИМИР РУЧКИН

Владимир Ручкин
Письма с Марса.
Часть 3. Adamus 412

«Издательские решения»

Ручкин В.

Письма с Марса. Часть 3. Adamus 412 / В. Ручкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856069-9

Что нужно в пути? Саперная лопатка, нож и старая английская винтовка
Ли-Энфилд. Путь — это «пазл», его фрагменты пробуждают фантазию,
заставляют идти. Но будь готов увидеть конечный результат...

ISBN 978-5-44-856069-9

© Ручкин В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 3	6
Письма	6
«Вольноопределяющийся»	9
Время	11
Слизлый	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Письма с Марса Часть 3. Adamus 412

Владимир Ручкин

© Владимир Ручкин, 2017

ISBN 978-5-4485-6069-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 3 (ADAMUS 412)

*Me, I am waiting so patiently
Lying on the floor
I'm just tryin' to do my jig-saw puzzle
Before it rains anymore...
(Я, я так терпеливо жду
Лежа на полу
Я просто пытаюсь сделать свой пазл*
Перед тем как дожди пойдут сильнее.
(англ. The Rolling Stones – Jig-Saw Puzzle).
Пазл, складная картинка, мозаика.

Письма

Она так и не привыкла к поездкам в метро. Ее раздражали, а порой и пугали грохочущие вагоны, визг тормозов на остановках, все эти монотонные «осторожно, двери закрываются», черные окна в которых только мрак. Толпы людей в час пик. Сидеть на скамье и читать? Нет! Только не давать волю своему воображению, не представлять эти бесконечные тоннели в глубине, рев и визг составов, несущихся по узким норам...

Оставалось только одно – сосредоточиться и думать, думать об одном и том же...

– Я что-то хотела сказать себе. Сказать, что времени осталось совсем мало? Так хочется найти то главное, что было в жизни, ради чего весь смысл... Это то, что слова не объяснят, не помогут понять и принять как истину. Это то, что когда-то пришло и озарило истиной и пониманием, пониманием всего сущего... Только бы дожить, пусть дожить с этой болью в сердце, что постоянно стала мучить по ночам. Дожить до чего? Ведь надежды больше нет, а есть соболезнования сослуживцев и прочая чепуха...

От метро «Шаболовская» она шла пешком. В Москве была ранняя зима. Дышалось легко, снег был еще чистым и удивительно белым, его одинокие хлопья медленно кружили в воздухе. Как тихо было вокруг.

Большой собор Донского монастыря был закрыт. У настоятельского корпуса молодые послушники весело бросали друг в друга картофелем.

– Надо же, вот кто-то веселится.

Она направилась к Малому храму. Шла служба. Священник с амвона договаривал проповедь,

– «...Нам надо понять, что общаясь, мы еще очень мало сделали для того, чтобы быть ближе друг к другу. Верующие, христиане ведь часто мы приходим на богослужение и чувствуем, что мы сами чужие и чужие те, кто стоит рядом с нами, а ведь так быть не должно...»

Она плохо улавливала смысл сказанного, собственная мысли и боль не давали сосредоточиться.

... – «Мы должны быть воистину родными людьми, с трепетным сердцем, с открытой душой воспринимать с радостью каждого человека, вновь приходящего в храм»...

Но вот и конец проповеди,

– Аминь! – произнес священник и ушел в алтарь...

Она еще немного постояла и подошла к свечному ящику. За ним стоял скучающий послушник.

- Мне подать записки за рабов божьих Александру и Романа.
- За здоровье или за упокой?

На миг она замерла, спазмы схватили горло, она махнула рукой, «сейчас, сейчас...» и выдавила,

- За здоровье...

Послушник получил деньги и устался в потолок.

Она вопросительно посмотрела на него.

- Сдачу жертвуете? – спохватился он.

– *Oui, monsieur – au nom de Dieu et le roi!* (Да, монсеньер, во имя Бога и короля! фр.), – связвила она.

Когда подходила к двери на выход, сзади донеслось,

- Спаси Вас Бог, матушка.

Вот, такой пустяк – сдача, а настроение изменилось. Стало как-то обыденнее и проще.

- А чего ты хотела? – спросила она себя.

– Не ангелы же здесь служат, а обычные люди со своими заботами, страстями, привычками, да и не ангелы сюда приходят. Не в Церковь Небесную шла, а в церковь земную. Вон, мальчишки еще – радуются снегу, сегодняшнему дню. А послушник за свечным ящиком? Беденький, ждет не дождется окончания службы. Скучно ему, а бабка за своими записками «пришкандыбала», дома ей не сидится. И сдачу не хочет оставлять, «желобится».

Эх, бабка, бабка, что же тебе дома не сидится? Все суетишься, дела себе ищешь, забот. Не хочется тебе бабка домой идти, ох как не хочется. Тоскливо в доме, одиноко – осиротел дом. Сначала дочь умерла где-то на поселении в Алтайском крае. Где? И место неизвестно. А теперь вот Сашенька, толи погибла, толи пропала...

- Господи, Господи, да за что мне такое? Меня-то зачем оставил, а их забрал!

Она отвлеклась от горестных размышлений только у подъезда своего дома. Входить очень не хотелось. Для чего? Чтобы посмотреть на запертую комнату Сашеньки, а затем долго сидеть на кухне и смотреть в окно?

- А вдруг!

И вот это «а вдруг» и заставило войти. Она остановилась и задержала дыхание. Металлический ящик черными глазницами равнодушно уставился в стену, напротив. Ей показалось что там «забелело» и она быстро подошла к нему.

Да, там что-то было. Дрожащими руками, не попадая ключом в скважину замка она пыталась открыть этот ненавистный ящик. Со злобою, несколько раз ударила по нему... Внутри лежало несколько писем. Она бегло посмотрела – «Франция», «Бразилия» это потом, это по работе. А, вот оно! Разорвав конверт, стала быстро читать.

«Извещаем Вас, что никаких сведений относительно гибели и иных... вашей родственницы... должностных инструкций... на основании ...дело прекращено. Выражаем глубокое соболезнование. Заместитель военного прокурора генерал-лейтенант Афанасьев Н. П. Подпись, печать». На закрытую комнату Сашеньки она не взглянула, боязно как-то стало. Один раз ей приснилось, что зашла она в квартиру, открыла дверь, а там Саша сидит за столом, пишет что-то. Она ее окликает, – Саша, Саша! – а та ее не слышит. Пишет что-то и пишет, лобик нахмурила...

Письма швырнула на полку серванта. Налила холодный чай, еще утренний, устало посмотрела в темное вечернее окно.

Резко зазвонил телефон, она вздрогнула.

- Это я, Сергей Иванович. Вы уж извините меня. Я хотел узнать, как у Вас с поисками...

– Сергей Иванович, мы ведь с Вами друзья? Так что не сочтите за обиду, но не звоните мне на дом. Я всех своих сослуживцев предупредила и Вас. Ели не хотите «разругаться» со мной окончательно...

– Нет, нет! Подождите Елизавета Ивановна... Да подождите, не бросайте трубку, я ведь по делу. А дело вот какое...

Утром приходили две девушки иностранки, молоденькие. Одна совсем «ни бельмеса» по-русски, а другая очень даже, только акцент едва заметный. И одеты не по-нашему, заграничная одежда. Французки кажется, или француженки. Наши сбежались разглядывать. Так вот, о чем это я?

– Вы ближе к теме, пожалуйста, а то я телефон выключу.

– Так вот, спрашивали Вас и Сашеньку. Сказывали, что были в Университете, а их направили к нам. Я уж вначале не решался – давать адрес или не давать, ведь иностранные подданные – случись что, затаскают. А потом уж и не знаю, как получилось, написал адрес. Вот, целый день звоню, а трубку никто не берет. То хоть... Вы уж простите старика, Елизавета Ивановна, все думаю, правильно ли сделал, что адрес дал?

Да Бог с вами, все вы правильно сделали. А больше ничего?

– Да как сказать, вроде бы ничего. Наша молодежь из «курилки» не выходила до конца дня.

– Да я не о том.

– Вот все, кажется...

Она положила трубку. Что за чушь – девушки, иностранки, «кажется»...

– Стоп! – сказала она себе. Француженки, Франция... письмо из Франции, куда же я его дела? Она быстро прошла в прихожую – здесь нет, вернулась на кухню, да вот же оно!

– Это наверно по работе, то ли общество, то ли фонд какой-нибудь?

Она стала разглядывать письмо. Странное письмо какое-то – разорвано с трех сторон и перевязано веревочкой, нет, не веревочкой, а шпагатом которым посылки перевязывают.

Удивительная мода появилась у французов, усмехнулась она, конверты писем за границу теперь рвут и перевязывают веревочками. А вот и «сопроводительная записка», штамп на обратной стороне. Что там написано?

Она прищурилась и прочитала: «Поступило в Международный почтамт – 1 в поврежденном виде».

– Вот, это все и объясняет! – сказала она сама себе. – А конверт-то не для одной открытки, судя по толщине. Ну и Бог с ними, не первый раз, притерпелась. На открытке текст, обычный текст: ...Рады, признательны и прочие любезности. Необходимо будет показать нашим реставраторам, пусть отклеят листок...

Второе письмо было из Бразилии, внутри свернутый вчетверо лист на испанском или португальском.

– Опять просить перевести, вздохнула Елизавета Ивановна, еще одни ненужные хлопоты.

Тряхнула конверт из него выпала фотография, точнее фотография фотографий. Какой-то молодой человек в военной шинели и девушка. На обороте было написано русскими печатными буквами: «Это мой дедушка».

– Здравствуй! – с укором произнесла Елизавета Ивановна неизвестно кому,

– Что за шарады! Чей-то дедушка из Бразилии! Господи, что за манера писать адресату на заведомо неизвестном ему языке, ну хотя бы на английском написали, а то видите ли на испанском...

– Ну все, хватит на сегодня, завтра разберусь. – И письма вновь полетели на полку серванта. Только фотография упала на пол обратной стороной с надписью «Это мой дедушка». Она подняла фото и снова посмотрела.

– Кто это?

Потом долго сидела у окна, пока мысли не стали путаться, и она заснула на кухонном диване...

«Вольноопределяющийся»

Утром искупалась под холодным душем, горячей воды не было.

– Чай не дворяне, а точнее уже давно не дворяне, – с усмешкой подумала. Чашка кофе окончательно привела ее в чувство.

На работе с утра, как всегда, демонстрировалась деловая суета. Молодежь носила друг другу папки, листы, чертежи. «Олимп» заседал в кабинете начальника.

– Нет, без меня сегодня! – решила она и пошла к реставраторам. Здесь было тихо, пахло клеем и еще чем-то неуловимо приятным.

– Коленька, мне нужна Ваша помощь, извините что отрываю от работы.

– Перестаньте, Елизавета Ивановна, какие могут быть церемонии. Что там у вас?

– Да вот, шарада какая-то. Вчера получила два письма. На одном заклеен адрес. Нельзя ли отклеить, чтобы узнать обратный адрес?

Коленька – Николай Леонидович, повертел конверт в руках, хмыкнул и пошел в угол к «парилке». Не прошло и пяти минут, как он вернулся.

– Ничего особенного, мездровый клей. А второй конверт что?

– А вот здесь сложнее, письмо из Бразилии. Написано на испанском или португальском.

– Сейчас решим.

Он с кем-то договаривался, уточнял и, наконец, сказал,

– Через пятнадцать минут придет и переведет.

– Очень хорошо. Говорят, что вы физиономист и хорошо разбираетесь в военной форме, поглядите на фото. Кто это и что это?

– Это, это... нужно внимательно разглядеть. Из Бразилии говорите? Странно, это не бразильская форма. А форма эта русской императорской армии времен Первой Мировой войны. Шинель солдатская, ремень должен быть кожаный, на бляхе скорее всего царский орел. Должна быть солдатская фуражка без козырька, но это допустимая вольность. Видно, что фото для себя или родных. Впрочем, такую форму носили и в Белой армии во время Гражданской. Это вольноопределяющийся – погоны с витым кантом. Был такой путь в офицеры – записаться в полк, разумеется имея соответствующие аттестации и, отслужив положенный срок, быть произведенным в младшие офицеры.

Вопрос, Гражданская или Первая Мировая. Если Гражданская, то должен быть шеврон.

– Ах вот он где! Вот, смотрите, краем фотографии срезан. Да это же корниловец, видно плохо, но эту эмблему не спутать с другими. Шеврон в виде щита, вверху надпись – «Корниловцы», в середине эмблема – череп и кости («адамова голова»), под ними два скрещенных меча, был вариант две сабли.

Итак, Вольноопределяющийся Корниловского Ударного Полка. Серьезная была боевая часть, состояла исключительно их офицеров добровольцев. Одним словом, «смертники». А вот в каком именно подразделении сей юноша служил сказать трудно.

Еще что... не из рабочих и крестьян, но это разумеется моя версия. Русский, но лицо, как говорили, «с азиатчиной». Вот скулы, поглядите.

Еще... рано повзрослевший мальчишка, физически крепкий.

А на ладонь то посмотрите! Такие у спортсменов бывают – гребля, особенно бокс или как у сегодняшних каратистов. Взгляд какой-то упорный, я бы сказал «страшненький взгляд», такой не раздумывает, такой действует и если решит убить, убьет. Да, Гражданская... «и пошел брат на брата».

Девушка... скорее невеста, по типу лица не подходит в сестры. Взгляд, такой знаете – страдания очень много, не по возрасту. Волевая девушка, вон губы плотно сжаты и подбородок

твердый. Славянский тип... северный, возможно из Петрограда. Скорее всего из «благородных», как тогда принято было говорить.

Да, пожалуй, и все. А вот и переводчик, думаю, остальное узнаете из письма. Вы пройдите в мой кабинет, дело ведь личное.

Henry Tetzlaff в прошлом Родригу.

– Я буду читать медленно, потому что написано от руки и почерк местами неразборчивый.

«Уважаемая сеньера Elizabeth Ivanovna, Вы можете сразу выбросить мое письмо, когда прочтете первые строки. Но я очень надеюсь, что оно попало по адресу. В настоящее время я разыскиваю родственников моего дедушки по его завещанию. Но, наберитесь терпения и выслушайте мою историю. Без нее многое будет непонятно. Я родился и вырос в Бразилии. Но, оказывается я не знал, кто я на самом деле и кто мои настоящие родители.

Я рад, я счастлив был узнать, что у меня были родители, которые меня любили, которые боролись за свободу. Я был счастлив, что нашел себя. Самое прекрасное, что может быть, это знать правду. И знание правды делает нас свободными. Теперь я счастлив в своей свободе. Все это время я рос в неведении, пока мне не исполнилось 18 лет. И в мой день рождения один человек рассказал мне, что меня усыновили. Тогда и началось мое небольшое расследование. Довольно быстро я выяснил свое происхождение. В этом мне помогли мои родственники из Западной Германии, это родственники моей бабушки. Бабушка была из немцев колонистов, приехавших в Бразилию после Первой мировой. Мой дедушка был русским, его фамилия Загряжский имя Владимир. Они поженились, и мой отец взял фамилию бабушки – Tetzlaff. Моими биологическими родителями были Laura Montosha и Kurt Tetzlaff. Моих родителей убили, они были сторонниками левого движения. Их похитили, пытали, а потом убили. Моя мать была беременна, когда ее задержали. Они сначала убили моего отца. А матери дали возможность родить и тоже убили. Меня забрала из приюта супружеская пара из Буэнос-Айрес. Они не знали о моем происхождении, им сказали, что мать отказалась от меня, а они не могли иметь детей, поэтому забрали меня и воспитали. Конечно, я люблю родителей, которые меня воспитали. Но есть большее – это правда, и я хочу ее знать. Я не жертва и сам решу, кого мне любить. Моя жизнь под именем Родригу закончилась. Сейчас я Генрих Тетслафф, по фамилии моего отца. Я переехал в Западную Германию и много узнал о бабушке и бабушке. Когда я ездил во Францию, чтобы узнать о русском дедушке, меня нашел юрист, который занимается делами о наследстве. По завещанию я единственный его наследник по мужской линии и должен распорядиться завещанием. Среди его близких родственников есть две девушки из Франции, и Вы с племянницей. Я хочу, чтобы наследство, каким бы оно не было, было распределено поровну между нами. Такова воля моего дедушки – В. Загряжского. К тому времени, когда Вы получите письмо, я с представителем-юристом и сестрами Сесиль и Мари Селанж будем находиться в Москве для встречи с вашей племянницей или Вами. Подробности при встрече.

Henry Tetzlaff.

– Это все письмо. Прошу прощения за стиль перевода, но я посчитал, что дословный перевод важнее.

– Нет, нет и не извиняйтесь, я Вам очень благодарна.

– До свидания Елизавета Ивановна, если еще нужна будет помощь, обращайтесь...

Мысли были уже не здесь. Она думала о том, как обрадовалась бы Саша. Ведь она еще с детских лет искала нечто подобное, читала письма, документы, мечтала о каких-то невозможных встречах, находках...

А мне-то это зачем? Да пропади оно пропадом это наследство! Сгинь в никуда! Вот бы случилось чудо и вместо какого-то наследства появилась Саша.

Господи, да услышь ты меня!..

Время

Прошел год. За это время произошли очень важные события. Сейчас Елизавета Ивановна сидит на кухне в своей московской квартире. Тот же знакомый пейзаж за окном...

После получения тех двух писем события ускорились, «понеслись». Как будто неожиданно заработал какой-то механизм – выпрямились пружинки, завертели колесики. То состояние страха, непреодолимых дурных предчувствий превратилось в театр гротеска. Казалось всё на небесах и на земле старается причинить ей вред, наказать за что-то. Всё это имело какой-то серый окрас, как будто краски мира потускнели... И это было доведено до такого абсурда, что все казалось нереальным. Люди были заводными куклами, совершающими гротескные движения, символизирующие работу и игру, любовь и ненависть, философские размышления, героические деяния, веру...

И только одной светлой полосой, было появление Сесиль и Мари...

Тогда, на следующий день, входя в фойе своего института она увидела двух девушек. Сесиль и Мари так звали сестер и с первого взгляда было ясно, кто «главный»...

Она взяла отпуск за свой счет, и они отправились в Ленинград на «родину» их бабушки и дедушки *Alexander et Vladimir*. Впрочем, она никогда не говорила Ленинград, а просто Питер. Это была светлая и радостная поездка. Девочки были в восторге,

– Смотри Мари!

– Il Neva? (*это Нева? фр.*)

– Quelest le grand fleuve! (*Какая большая река! фр.*)

– Tante, vous nous passer dans les caves secrètes du Palais d’Hiver? (*Тетушка, вы проведете нас в тайные подвалы Зимнего дворца? фр.*)

– Marie, ne flirte pas! (*Мари, не кокетничай! фр.*)

– Ces jeunes gens me regardaient. (*Эти юноши пялятся на меня. фр.*)

– Ils voient rarement les Parisiens. (*Они редко видят парижанок. фр.*)

– Очень жаль, что эта вульгарная немка управляла Россией, верно Сес?

– Oh oui, il était nécessaire d’inviter la princesse française. EnRussie, il a eu un sort différent! (*О да, необходимо было пригласить французскую принцессу. У России была бы иная судьба!*)

– Последнему императору нужно было исполнить волю родителей и жениться на Елене Орлеанской.

– Да, несомненно!

«Тетушка» с радостью «возилась» с ними как с племянницами, неожиданно приехавшими после длительного расставания. «Oh, matante! (*Ах, тетушка! фр.*)» постоянно звучало в их речи. Тетушка, пойдемте сюда, тетушка идемте туда...

Как-то сразу они рассказали ей о себе, свою родословную. В детстве их пылкое воображение нарисовало историю изумительную, романтическую, историю двух любящих сердец. Это были их дедушка и бабушка по линии матери. Они написали их историю в тетрадь и украсили страницы своими рисунками.

Итак, Революция в России – кровавый переворот, когда распоясавшаяся чернь ищет дворян и достойных людей, чтобы убить их.

В это время юная дворянка из польского княжеского рода Валевских, живущая в Петрограде, тайно бежит из столицы. Переодевшись в мужское платье она пробирается на юг России. Верные казаки (*cosagues*) дают ей приют на своих землях.

Преданные Престолу дворяне храбро сражаются с комиссарами (*commissaires – KGB. фр.*). Среди них юный офицер из древнего русского дворянского рода Загряжских. Переодевшись простолюдином он приезжает в Петроград и готовит свержение большевиков (*lesbolcheviks. фр.*). Молодого человека выслеживают и разоблачают коварные и хитрые комис-

сары (*commissaires – KGB. фр.*). Но, вмешивается провидение и храброго юношу спасает тетушка юной польской дворянки. Юноша благодарит тетушку со слезами на глазах. В знак благодарности он обещает ей спасти молодую Валеvскую и тайно вывезти во Францию. Они, *Alexander et Vladimir* встречаются на землях *cosaques* и направляются в Крым.

Да, да! Разумеется, они влюбляются друг в друга с первого взгляда, ведь они созданы друг для друга!

Сражение в Крыму, войска отступают, юные влюбленные венчаются в церкви. Далее, они с преданными *cosaques* захватывают корабль и плывут во Францию...

– Это была наивная правда, – говорила Мари.

– Нам было по подвенадцать и мы прочли «*Les Chouansoula Bretagneen 1799*». Мы до сих пор боготворим *Alexander* и *Vladimir*.

Появление Родригу или Генри Тетслафф было воспринято сестрами холодно. *Frèrebâtard* (братик – бастардик, фр.), называли они его между собой. Но на Елизавету Ивановну он произвел хорошее впечатление – сдержан, прямолинеен, независим. Бедный мальчик, в 18 лет пережить такую трагедию!...

На «семейном совете» было решено, что тетушка отказывается от своей части наследства в пользу сестер. А те хранят ее часть до лучших времен.

Еще был прием в посольстве Франции.

– Принять дочерей офицера, погибшего за Францию в Алжире, обладателя ордена Почетного легиона это большая честь, – говорил заместитель посла по культуре. Не бог весть какая шишка, этот зам. по культуре, но было приятно за девочек.

Вскоре они уехали, но раз в неделю созванивались с ней и обменивались новостями.

– Дедушка передает Вам привет и всяческие благие пожелания.

– Спасибо девочки. Как здоровье дедушки...

Слизлый

– Не Вы ищите, я ищу, – сказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.